

ЛАРИСА ГУЗЕЕВА:

ОТ «ЖЕСТОКОГО РОМАНСА» ДО МАРША МЕНДЕЛЬСОНА

Ларису Гузееву, родившуюся в Оренбургской области, на родине пуховых платков, страна узнала в 1984 году, когда на экраны вышел фильм «Жестокий романс» Э. Рязанова. Хрупкая, тонкая, с проникающим в самую душу взглядом. Кажется, она отныне обречена на амплуу рафинированных героинь высокой драмы. Но личностям (а Гузеева — личность) жёсткие рамки обычно тесны, у них свой особый путь — с неожиданными поворотами и яркими событиями. Сейчас Лариса Андреевна — ведущая популярной передачи «Давай поженимся». Она эффектна, мудра, порой резка. И она — звезда.

— Что вспоминается из детства?

— До десятого класса отчим выставлял меня из комнаты, когда по телевизору показывали фильмы с поцелуями. Я была учительской дочкой и просто не имела права плохо себя вести. Поэтому школу я ненавидела и, как могла, сопротивлялась догмам. Я стала носить очень короткие юбки, краситься, курить, за что маму в учительской «линчевали у позорного столба». В это время я была патологически худая, просто тощая, и, чтобы выглядеть хоть немного аппетитнее (на Урале ценились пышные белолицые девицы с округлыми формами), натягивала по трое колгот. Конечно, это не помогало — мальчишки на меня внимания не обращали, правда, взрослые дядьки часто говорили маме: «Красивая девка растёт!»

— Окончив школу, вы в неполные семнадцать лет выпорхнули из-под родительского крыла и уехали поступать в театральный институт. Как отнеслись к этому родители?

— Моим родителям было все равно, кем я стану, главное — чтобы получила высшее образование. Их больше волновала судьба сына — он должен иметь хорошую профессию, а мне достаточно удачно выйти замуж и рожать детей. Я же с детства мечтала стать актрисой, постоянно из себя кого-то изображала — то иностранку, то глухонемую, из меня просто перли разные образы, поэтому в Ленинградский театральный институт я поступила легко.

— В вас, наверное, все были влюблены...

— Витя Цой за мной ухлестывал, но этот странный нерусский парень меня не интересовал. Я вообще была жутко высокомерной, считала, что меня достоин лишь Лоуренс Оливье или, на худой конец, Володя Высоцкий — ведь я была очень хорошенькой. Я умудрялась модно одеваться — во многом благодаря маминому портновскому таланту и отчасти тому, что уже на первом курсе зарабатывала деньги в качестве модели. Даже в сорокаградусный мороз я ходила с непокрытой головой, в красной нейлоновой куртке и неутепленных сапогах-казаках, поэтому разговаривать я могла только сквозь зубы — челюсти просто не разжимались от холода, но все считали, что я «вся такая манерная»... Я никогда не ходила на субботники: считала, что будущая артистка не должна мыть пол, и вообще вела себя высокомерно. За это меня не любили, и когда на последнем курсе наш

класс направили в Болгарию по обмену студентами, против меня проголосовали все. На что я, сглотнув слезы, произнесла: «Ха! Нужна мне ваша Болгария триста лет — я в Канны поеду!».

— Дебют у великого мастера в артистической среде принято воспринимать как путешествие в звездное будущее, однако вы не считаете это счастливым случаем.

— Удача — это если бы я работала официанткой в кафе и туда случайно зашел Рязанов покушать, увидел меня и, сраженный моей неземной красотой, пригласил на главную роль. Я же вместе с бесчисленным количеством молодых актрис и студенток проходила сложнейшие кинопробы, меня смотрели с каждым партнером... Мне повезло только в том, что из тысяч Эльдар Александрович выбрал меня. Но когда он меня только увидел, был в шоке. Я же хипповала и приехала на пробы в обрзанных рваных джинсах, разных сандалиях, с длинными ногтями, раскрашенными в разные цвета, и с вплетенными в длинные распущенные волосы денежками: у меня не было ничего общего с моей будущей героиней. Это

мужчина к тридцати годам не заработал себе на кофе, а к сорока — своей даме на хорошее вино и остальные ее прихоти он просто дурак или лентяй, и такой мужчина не может меня интересовать.

— Долгое время много говорили о ваших проблемах с алкоголем...

— Алкоголизм — это болезнь, как грипп или желтуха, и алкоголиков надо лечить, а не ругать. У меня глаз наметанный, я вижу, как в нашей артистической среде молодые девочки стаканами хлещут водку, я знаю, к чему это может привести. Как это произошло со мной? Был повод, были друзья, готовые всегда протянуть полный стакан, были и те, которые видели, что я погибаю, и

бабушка просто души не чают в любимом внуке.

— Нынешний ваш муж — друг юности?

— Этот мужчина знает обо мне все, ведь мы с ним знакомы... страшно даже подумать, сколько лет. Я училась в Ленинграде, он жил в Москве. Мы, студенты, часто ездили в столицу на театральные премьеры. Но когда мне было 18, а Игорю — 17, он мне казался безнадежным ребенком. Он терпеливо меня ждал и всегда был рядом. Он мой друг на всю жизнь, настоящий кореш. Я уходила замуж, разводилась, у меня были всякие истории, а Игорь был рядом. Я рыдала у него на плече по поводу своих проблем, он возил меня по моим

«Ура, Игорь у нас ночует!» промчался в его постель, мое сердце дрогнуло. Но до загса было еще полтора года.

— Вы родили дочку довольно поздно, в 40 лет.

— У меня и первый ребенок поздний по советским понятиям: Георгия я родила в тридцать два года. Сейчас я могу дать своим детям гораздо больше, чем дала бы в 20 лет. Теперь я знаю о жизни многое, у меня есть деньги, чтобы выучить детей, чтобы сохранить их здоровье, чтобы показать мир.

— Вы женщина гордая и независимая?

— Независимость — это главное достоинство женщины. Я могу выбирать: захочу — еще рожу ребенка, я знаю, что смогу его вырастить; захочу — сменить профессию. Сейчас меня, например, гораздо больше интересует ресторанный бизнес, чем кино. Я собираюсь открывать свой ресторан, будем с мужем соревноваться — у кого лучше. На самом деле я потрясающе готовлю, о моих кулинарных способностях по Ленинграду ходили легенды. Когда я стала выезжать за границу, я всегда очень интересовалась национальной кухней и вместо того, чтобы везти в Союз шмотки и радиоаппаратуру, однажды притащила целую коробку авокадо, о которых здесь никто не слышал. Я собрала тусовку и угощала всех авокадо с черной икрой — это был настоящий фурор! Когда я была в Мозамбике, один очень богатый владелец золотых приисков, пораженный моим интересом к национальным блюдам, был готов работать моим шофером, лишь бы что-нибудь отвел от моих рук. Довольно долго он закидывал Госкино письмами в мой адрес и приглашениями в Африку. Игорю тоже нравятся мои кулинарные изобретения, так что вполне верна пословица о дорожке к сердцу любимого через его желудок. Приготовление пищи — это тоже искусство. Можно судить о культуре страны по тому, как питаются ее граждане.

Сегодня Лариса совершенно счастлива, она считает, что стоило пройти через испытания, чтобы теперь обрести любовь и благополучие. Но она не жалеет, что «не прибилась к этому берегу» раньше. Как знать, может быть, ей просто не хватало жизненного опыта и переживаний, чтобы на их фоне счастье засветилось радужными красками. Она не боится говорить о счастье, не страшится, что кто-то ее спазит, потому что она знает: только Бог имеет власть дарить и отбирать.

радовались, что освободится место для них. Сначала мне нравилось, потом я не заметила, как с утра меня потянуло похмельем, — это происходит в один миг. Справляться с болезнью пришлось

когда меня переодели и причесали, произошла полная перемена личности — внешняя, потому что внутренне я по-прежнему оставалась собой, и никакая трагичность и любовные страдания мне, в мои 23 года, были не знакомы.

— И никогда не влюблялись в мужчин-актёров?

— Обычно, если я вижу интересного мужчину, я инстинктивно сразу вся подтягиваюсь, преображаюсь, даже сама себе начинаю больше нравиться, а когда в Доме кино ко мне подваливает какой-нибудь служитель Мельпомены в нечищенных ботинках, с гнилыми зубами и говорит: «Ларик, купи мне кофе!» — я просто не вижу в нем мужчину. Если

самой. Я по-прежнему мечтала о ребенке и поэтому должна была вспомнить о собственном здоровье. Однажды на съемках в Грузии познакомилась с красивым молодым человеком, который оказался еще и деликатным, образованным и внимательным. Трудные по условиям съемки превратились в праздник. Глядя на то, как легко Ваха решает бытовые проблемы, поняла, что хочу родить от него ребенка. Родился Георгий. Но жизнь с Вахой не сложилась — уж слишком в разных традициях выросли супруги и по-разному представляли семейную жизнь. Но сын постоянно поддерживает отношения с отцом, ездит на каникулы в Тбилиси, а его грузинские дедушка и

делаю и всегда и во всем старался помочь. Он меня всегда вытаскивал из всех неурядиц, как зарванного котенка — прямо за шкуру. Когда Георгию пришлось время идти в школу, я решила перевезти мою семью, маму и сына, в Москву, потому что я сама все время работала в Москве. Мы с Игорем стали видеться еще чаще, да и Георгий к нему очень привязался. Но я по-прежнему считала Игоря только другом. Мама все время меня пилила: «Чего тебе не хватает, дура? Рядом такой мужик, а ты все думаешь. Ты загляни в паспорт!». Однажды у нас случайно произошло близкое отношения, и мы решили снять квартиру для встреч. Возможно, мы бы до сих пор продолжали изредка встречаться, если бы не случай. Игорь проводил меня домой и собрался уезжать. А в этот вечер разыгрался жуткий буря. Мама вышла в коридор и говорит: «Тебе не стыдно, ты сейчас развалишься в своей теплой кровати и будешь сладко спать до полудня, а его на мороз гонишь? Оставайся, Игоречек, переночуй». И когда утром мой сын с радостным воплем: